

УДК 81-2

**ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЯЗЫКА КАК ВЫРАЖЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА НАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

© 2008 г.

О.Р. Жерновая

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

oxana.zh@mail.ru

Поступила в редакцию 20.04.2008

Взаимодействие языка и культуры, а именно связь между культурными ценностями и грамматическим строем языка, очевидно. Проводимый в статье сопоставительный анализ грамматического строя двух языков (русского и английского) свидетельствует о «великом психолингвистическом противостоянии» английского, так называемого «позитивного», и русского – «отрицательного» – типов мышления, об их, соответственно, активном и созерцательном отношении к действительности и о том, как преломляются различия этих типов мышления в грамматике языка и к каким трудностям это приводит русскоговорящих в процессе обучения английскому языку.

Ключевые слова: русский язык, английский язык, культурный компонент нации.

Взаимоотношения языка и культуры традиционно привлекали внимание лингвистов. В. фон Гумбольдт был первым, кто систематизировал представления о языке как картине мира, что в дальнейшем привело к формированию и развитию множества теорий, включая и теорию лингвистической относительности. «Каждый язык очерчивает границу вокруг людей, которым он принадлежит... Изучение иностранного языка должно быть освоением новой точки отсчета в предыдущем превалирующем глобальном миропонимании индивида. Но это освоение никогда не является законченным, поскольку индивид всегда привносит в иностранный язык большую или меньшую долю своей собственной точки зрения – на самом деле свою собственную лингвистическую модель» [1].

На основе теории В. фон Гумбольдта в дальнейшем развивались многочисленные подходы, исходящие из того, что язык обеспечивает категоризацию мыслительной деятельности, а последняя, в свою очередь, – категоризацию мира, который воспринимает и в котором действует индивид.

Подчеркивая связь языка и культуры, Э. Сэпир отмечает, что из всех аспектов культуры язык был первым получившим высокоразвитую форму и в своем совершенстве являлся предварительным условием для развития культуры в целом [2].

Параллель между структурой языка и культурой очень важна. Взаимосвязь между вокабуляром и приоритетами общества стала общим местом в лингвистической теории, так как лек-

сические вариации отражают культурные различия и представляют собой бесценный инструмент изучения культуры и общества.

Связь между культурными ценностями и грамматическим строем языка менее очевидна, чем связь между культурой и лексикой, но более значительна. А. Вежбицкая пишет: «... понятия и отношения, фундаментальные для данной культуры, находят свое выражение не только в лексиконе, но и в грамматике языка данной культуры» [3].

В своей книге о переводимости культур английский психолингвист Дэвид Катан отмечает, что люди «неодинаково относятся к объективному миру. Некоторые народы полагают, что могут полностью контролировать этот мир..., сами распоряжаться своей судьбой» [4]. У других народов картина мира основана на предположении о том, что существуют высшие силы, управляющие человеком и окружающей его реальностью.

Такие полярные понятия, как «активная деятельность» и «пассивная созерцательность», «личная ответственность» и «покорность судьбе», не только проявляются в разном образе жизни народов, но глубоко вошли в их культуры и в языки [5].

Сопоставительный анализ синтаксиса английского и русского языков приводит А. Вежбицкую к выводу о диаметрально противоположных культурных ценностях, лежащих в основе двух языков. Согласно синтаксической типологии языков, существуют языки агентивной ориентации (например, английский) и па-

циентивной ориентации (например, русский). Первые представляют мир таким образом, что в нем доминирует субъект действия, управляющий событиями в мире. Английский язык изобилует сотнями конструкций, в которых подчеркнута выражен активный деятель, но беден неопределенно-личными и безличными выражениями. «Активные» языковые конструкции плюс «позитивное мышление» создают «активный» лингвокультурный обиход. На синтаксическом уровне это находит отражение в преобладании номинативных конструкций (классический пример – обязательная позиция подлежащего в английском предложении – *I want, do, come, think...*). Русский язык представляет мир таким образом, что происходящие в нем события случаются помимо воли субъекта и по большей части не зависят от него. Сама структура русского языка тяготеет к безличности и неопределенности, когда не субъект «делает» что-то по отношению к кому-то или чему-то, а, напротив, «что-то делается» по отношению к субъекту. На синтаксическом уровне это проявляется в преобладании дативных конструкций типа *мне нравится, кажется, хочется*, отрицательных инфинитивных конструкций без модальных слов *не бывает, не видать*, использовании возвратных глаголов *не спится, не работается*, односоставных безличных предложений *Моросит. Погромыхивает*.

Кроме того, в русском языке популярны безличные конструкции, а пассивные считаются не только нормой, но и желательной чертой речи, особенно деловой письменной. Большинство русских выражений с существительным/местоимением в дательном падеже и/или возвратным глаголом и/или инфинитивом + бы, например: *мне холодно, ей хорошо, мне скучно, ему спать хочется, отдохнуть бы* – требуют при переводе на английский добавления активного субъекта: *I'm cold; She's fine; I'm bored; he's sleepy; I'd like to relax*.

Проанализированный А. Вежицкой материал позволяет ей сделать вывод о доминировании ценностей активного действия, контроля над собой и своим окружением, личной ответственности и автономности в англоязычных культурах и ценностей пассивного восприятия, фатализма, коллективизма – в русской культуре [6].

Включение в процесс обучения данных о системе ценностей англоязычных культур, в частности о доминировании в них личной ответственности за все происходящее, оказалось весьма полезным для преодоления традиционных трудностей русскоговорящих обучающихся, таких как соблюдение порядка слов с обяза-

тельным заполнением позиции подлежащего, а также для «борьбы» с построениями типа *Me like*, которая является калькой с русского *Мне нравится*.

Исключительная ценность деятельности и связанной с ней продуктивности подтверждается и моделями словообразования в английском языке. В этом плане английский можно рассматривать как язык уникальный: практически каждое существительное в нем допускает окказиональное образование от него глагольной формы.

Использование английских модальных глаголов носителями русской культуры заслуживает особого внимания. Так как культурно-связанные комментарии их функций в грамматиках отсутствуют, обучающимся не сообщается тот факт, что употребление местоимения 2-го лица в сочетании с модальными глаголами, даже с таким как *should*, указывает на то, что «говорящий воспринимает свое положение как позволяющее ему диктовать поведение слушающего» [7].

В результате речь россиян изобилует модальными глаголами по аналогии с русским языком; тем самым нарушаются такие основополагающие культурные ценности говорящих на английском языке, как автономность.

Другим примером проявления системы культурных ценностей в грамматических конструкциях может служить употребление форм повелительного наклонения в русском языке. У носителей англоязычных культур устные высказывания запретительного характера типа «Вход запрещен!», «Не курить!», «Не влезай, убьет!», «Ходить по газонам строго воспрещается!» и др. вызывают реакцию замешательства и неодобрения. Они понимают лексические единицы, грамматический механизм повелительного наклонения и общий смысл высказывания, но чувствуют себя уязвленными категоричностью подобных команд. В данном случае трудность вновь кроется не в лингвистических расхождениях в строе двух языков, а в значительных культурных различиях.

Как отмечалось ранее, одно из главенствующих мест в иерархии культурных ценностей в англоязычных обществах занимает автономия индивидуальной личности. По их представлениям, никто не имеет права навязывать другому свою волю. Желательность или нежелательность действий формируется в англоязычных культурах в виде описаний, а не предписаний, типа *No smoking area. Thank you for not smoking. Quiet work area*. Они предоставляют информацию о том, как принято вести себя в конкретном

месте. Решение о том, вести или не вести себя предлагаемым образом, остается за индивидом. Даже в многолюдных общественных местах, где устанавливаются довольно жесткие правила, их формулировка не включает таких слов, как «Запрещено» или «Строго воспрещается». Вместо них будет, например, «No parking», которое имплицитно «Здесь не паркуются, если вы не хотите доставить неудобство себе и другим». Слово «запрещено» появляется только в крайних случаях, когда противоположные действия сопряжены с опасностью, и это всегда эксплицитно «Petrol station. Danger. Smoking prohibited». Английское слово «prohibit» (запрещать) ассоциируется с контролем одного человека или учреждения над другим, а это уже воспринимается как вторжение в личную жизнь, как навязывание чужой воли. Это прямо противоположно общепринятому положению о том, что правила не создаются одними людьми для того, чтобы другие им следовали; правила могут быть сформулированы отдельными людьми, но следовать им обязаны все без исключения.

Подобные ценностные ориентации проявляются и в личной жизни. Так, например, жители, не желающие видеть рекламную продукцию в своих почтовых ящиках, вывешивают таблички «No junk mail, please», несмотря на то, что это их личный дом и, по российским стандартам, можно было бы вывесить табличку типа «Рекламу не бросать». Подобным образом формулируются заказы в кафе и ресторанах: выражения типа «no sugar», «no milk in my coffee, please» подразумевают «я обычно пью без сахара», «я не пью кофе с молоком». В устных обращениях друг к другу представители англоязычных культур также избегают повелительного наклонения и формулируют свои просьбы и приказания в виде псевдовопросов: «Why don't you do it?» – «Почему бы тебе не сделать это?».

Носители русской культуры, предпринимающие попытки общения на английском языке, будучи не осведомленными о подобных закономерностях, проистекающих из системы разделяемых всеми ценностей, часто неспособ-

ны распознать предписание и выполнить фактическое требование. Они рассматривают косвенные речевые акты в их поверхностном значении как предложение к размышлению и принятию решения и демонстрируют несоответствие собственного действия заложенному в реплике собеседника смыслу. В результате создание общего значения не происходит, ибо каждый понимает фразу по-своему.

Таким образом, для обеспечения эффективного межкультурного общения необходимо формирование таких умений языковой личности, которые обеспечили бы возможность создания общего культурного значения, разделяемого собеседниками, принадлежащими к различным культурам. Это означает, что для формирования навыков и умений эффективного общения необходимо включить работу по освоению культурного компонента грамматического (англоязычного) строя языка, а культурно-обусловленный компонент грамматики языка необходимо искать в системе ценностей, в образе жизни, в моделях поведения носителей англоязычных культур.

Список литературы

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1985 (1836). С. 370.
2. Sapir E. Language // Encyclopedia of the social sciences. 1933. С. 155.
3. Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 108.
4. Katan D. Translating cultures. Manchester, United Kingdom: St. Jerome Publishing, 1999. P. 172.
5. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи: слова и фразы в контексте двух культур. М., 2007. С. 73.
6. Вежицкая А. Язык, культура и познание. М.: Русские словари, 1997. С. 33–88.
7. Murphy B., Neu J. My grade's too low: The speech act set of complaining // Gas S.M., Neu J. (eds.) Speech Acts Across Cultures. Challenges to Communication in a Second Language. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 205.

LANGUAGE GRAMMAR STRUCTURE AS THE EXPRESSION OF A NATION'S CULTURAL COMPONENT (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

O.R. Zhernovaya

Interrelation between language and culture or connection between cultural values and language grammar structure is obvious. The comparative analysis of grammatical structures of two languages (Russian and English) presented in the article shows «the great psycholinguistic opposition» of English (so called «positive») and Russian (so called «negative») types of thinking, and, respectively, active and passive (contemplative) attitudes to reality. It also demonstrates how both types of thinking are revealed in the grammatical structure of the language and what difficulties Russian-speaking people face while learning English.